

**ЖИЗНЬ И СУДЬБА АМУРСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАССКАЗОВ ОДНОЙ ИЗ СОВРЕМЕННЫХ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ)**

© **Архипова Нина Геннадьевна**

кандидат филологических наук, доцент,
Амурский государственный университет
Россия, г. Благовещенск
charli71@mail.ru

© **Оглезнева Елена Александровна**

доктор филологических наук, доцент,
Томский государственный архитектурно-строительный университет
Россия, г. Томск
eoglezneva@yandex.ru

Статья посвящена истории и языку старообрядцев, проживающих на территории Амурской области. Представлены исторические данные об амурских старообрядцах, начиная с середины XIX в.: указаны периоды переселения старообрядцев, места их расселения, этнографические группы, а также выделены диалектные группы говоров старообрядцев в Приамурье по данным научных и полевых исследований с участием авторов.

До настоящего времени в силу религиозных убеждений, этнической обособленности и преданности старине старообрядцы Приамурья сохранили бытовые, культурные, мировоззренческие черты, отличающие их от другого крестьянского населения края, и особый язык, который, с одной стороны, подвергается нивелирующему влиянию литературной формы русского языка и окружающих диалектов, а с другой — сохраняет древние, исконные черты материнских говоров и позволяет проследить историю амурских старообрядцев на фоне всего общерусского старообрядческого движения.

История одной из амурских старообрядческих общин в статье представлена в персонафицированном виде — через рассказы ее представительницы о своей жизни и судьбе. Записанные и подготовленные к опубликованию материалы демонстрируют тематические доминанты рассказов амурских старообрядцев в целом и яркие особенности языковой личности собеседницы.

Ключевые слова: Дальний Восток, Приамурье, амурские старообрядцы, этнографическая группа, семейские, русский язык, говоры старообрядцев, языковая личность, диалектный текст

**LIFE AND FATE OF THE AMUR OLD BELIEVERS
(BASED ON THE LIFE STORY MATERIALS
OF A MODERN OLD BELIEVER COMMUNITY REPRESENTATIVE)**

Nina G. Arkhipova

Cand. Sci. (Philology), A/Prof.,
Amur State University
Blagoveshchensk, Russia
charli71@mail.ru

Elena A. Oglezneva

Dr. Sci. (Philology), A/Prof.,

Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering

Tomsk, Russia

eoglezneva@yandex.ru

The article is devoted to the history and language of the Old Believers living on the territory of the Amur Region. Historical data on the Amur Old Believers, starting from the middle of the 19th century, are presented: the periods of resettlement of the Old Believers, their places of settlement, ethnographic groups are indicated, and dialect groups of dialects of the Old Believers in the Amur Region are identified according to scientific and field research with the participation of the authors.

Until now, due to religious convictions, ethnic isolation and devotion to antiquity, the Old Believers of the Amur Region have retained everyday, cultural, ideological features that distinguish them from other peasant population of the region, and a special language, which, on the one hand, is subject to the leveling influence of the literary form of the Russian language and the surrounding dialects, and on the other hand, it preserves the ancient, primordial features of maternal dialects and allows you to trace the history of the Amur Old Believers against the background of the entire all-Russian Old Believer movement.

The story of one of the Amur Old Believer communities is presented in the article in a personified form — through the stories of one of the representatives of the community about her life and fate. The stories recorded and prepared for publication demonstrate the thematic dominants of the stories of the Amur Old Believers in general and the vivid features of the linguistic personality of the co-conversationalist.

Keywords: Far East, Amur Region, Amur Old Believers, ethnographic group, Semeiskie, Russian, dialects of Old Believers, linguistic personality, dialect text

Жизнь старообрядческих общин на фоне общерусского исторического развития — явление очень сложное. Из амурских старообрядцев наиболее изучены семейские (семейные, сеймские) — этнографическая группа русских староверов-беспоповцев, переселенных из Польши и прибывших в Амурскую область после почти двухсотлетнего пребывания в Сибири и Забайкалье [Кирпикова 1972, 1997, 2000].

Начиная с 1858 г. амурские старообрядцы расселялись отдельными деревнями преимущественно вдоль рек Томь, Зея, Белая, Буряя. Первыми были беспоповцы: спасовцы (даниловцы), поморцы, часовенные и др., затем в 1907–1912 гг. к ним присоединились «румыны» (липоване), «австрийцы» и представители некоторых других поповских толков [Географо-статистический словарь 1894; Погодные ведомости 1903, 1906; Реестр учета сектантов 1910].

На всех этапах переселение поддерживалось царским правительством, преследовавшим цели быстрого освоения дальневосточных земель Российской империи. На старообрядцев была возложена миссия сельскохозяйственного освоения обширных левобережных приамурских территорий. Позднее по приглашению губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьева-Амурского старообрядцы переселялись на Дальний Восток преимущественно для обслуживания почтовых трактов между Сибирью и Камчаткой [Аргудяева 1998]. С началом функционирования морского пути на Камчатку почтовые тракты были закрыты, и часть крестьян-старообрядцев была вынуждена вернуться в Забайкалье, другая же осталась на Дальнем Востоке, в т. ч. в Приамурье. Большая часть потомков

первопоселенцев до настоящего времени проживает на территории области, отдельные группы из-за репрессий 1930-х гг. XX в. выехали в Китай, а затем в Бразилию, Боливию, Уругвай, США, некоторые вернулись назад [Аргудяева, Хисамутдинов 2013].

Хотя исторические факты говорят о чрезвычайном разнообразии старообрядческих толков в Приамурье начала XX в., экспедиционные материалы 2001–2021 гг. свидетельствуют о том, что в первые десятилетия XXI в. старообрядцы, исторически принадлежащие к различным беспоповским толкам и соглашениям, причисляют себя исключительно к семейским (кроме жителей отдельных сел Свободненского района). В настоящее время они не обнаруживают значительной разницы в религиозной и бытовой культуре.

Пожилые жители старообрядческих сел Белогорского района (Новоандреевка, Ключи) именуют себя не только «семейскими», но и «спасовцами» или «кержаками» — выходцами с реки Кержа (Керженец) и имеют несколько отличный от других семейских исторический путь.

В чужеродной религиозной и культурной среде старообрядцы различных толков и согласий всегда стремились поддерживать связи на общинном и семейном уровнях, что в условиях Амурской области привело к нивелировке разногласий между сторонниками старообрядческих течений, а осознание себя семейскими, спасовцами, часовенными, кержаками стало носить скорее региональный, чем религиозный характер.

До настоящего времени в силу религиозных убеждений, этнической обособленности и преданности старине старообрядцы Приамурья сохранили бытовые, культурные, мировоззренческие черты, отличающие их от другого крестьянского населения края, и, конечно, особый язык, с одной стороны, подвергающийся нивелирующему влиянию литературной формы русского языка и окружающих диалектов, а с другой — сохраняющий древние, исконные черты материнских говоров и позволяющий проследить историю амурских старообрядцев на фоне всего общерусского старообрядческого движения.

В Амурской области старообрядческие говоры объединены в группы как очень близких между собой говоров, так и имеющих значительные различия.

В отдельных группах говоров наблюдаются диалектные особенности, во многом совпадающие с говорами старообрядцев Забайкалья. К таким чертам относится, например, повсеместное произношение в первом предупредном слоге после твердых согласных гласного [a] как аллофона фонемы /o/; гласного [a] после мягких согласных как аллофона фонем /e/, /a/, /o/; гласного [и] как аллофона фонемы /a/ перед твердыми и мягкими согласными; переход [e] в [o]; произношение на месте [к] на конце слова [х]; окончание -е у личных и возвратных местоимений в формах Р.п. и В.п. ед.ч.; наличие общего спряжения; мягкий и твердый варианты в окончаниях глаголов 3 л.; наличие звательной формы (паря, братко, тянько, батенько); многочисленные синонимы-дублиеты и др.

В настоящее время можно выделить несколько диалектных групп говоров семейских Амурской области.

Первая группа — говоры семейских Свободненского района (села Желтоярво, Бирма и Заган), а также отдельных сел Шимановского района, например Ураловки. Они в большей степени сохранили черты южнорусских материнских го-

воров на фонетическом, грамматическом и частично лексическом уровнях и в меньшей степени испытали сибирское влияние.

Вторая группа — говоры старообрядцев Белогорского района (села Ключи и Новоандреевка). Эти говоры демонстрируют южнорусские фонетические и грамматические особенности, «приобретенные» во время проживания старообрядцев на территориях Ветки и Стародубья, однако в них отмечается большое количество севернорусской предметной лексики, унаследованной семейскими от коренного населения Восточной Сибири во время почти двухсотлетнего пребывания в Бурятии.

Отдельная группа говоров — говоры старообрядцев-реэмигрантов из Южной Америки, приехавших в Амурскую область в 2016–2018 гг. Это семьи Килиных, Реутовых, Фефеловых, Ануфриевых, Кузьминых. Их говор относится к средне-русским говорам, сформированным на севернорусской основе. В аспекте сравнения с говорами семейских в нем отмечается сходство со старообрядческими говорами Белогорского района, содержащими широкие пласты севернорусской лексики, главным образом непредметной семантики.

Последнюю группу составляют говоры старообрядцев Архаринского района, испытавшие значительное влияние белорусского языка уже на территории Приамурья. Так, село Грибовка заселялось одновременно белорусами и русскими, среди последних были и семейские из Забайкалья. Нередки были смешанные браки. Например, известны факты одобренных общиной союзов между «перекрещенными» белорусскими девушками и мужчинами-семейскими. В начале XXI в. в Грибовку переселился большой род старообрядцев-часовенных из Кемеровской области, что также отразилось на языковом ландшафте села. В говоре отмечены многочисленные заимствования из белорусского языка, не зафиксированные на других территориях компактного расселения старообрядцев, обнаруживается свободная конкуренция лексики севернорусского и южнорусского происхождения, отмечена несистемность фонетических и морфологических явлений.

В современных семейских говорах активно образуются разнодиалектные синонимические ряды, происходит трансформация семантической структуры слова, изменяется формальная структура лексем. Отражение этноязыковой основы и типологических черт материнских говоров ярко выражается в явлениях гиперкоррекции, при образовании синонимических рядов, в вариативности и отсутствии реализации сем или семантических смещений.

Судьба народа воплощается в судьбах конкретных людей, и судьба конкретного старообрядца рассматривается неразрывно с историей русского старообрядчества на Дальнем Востоке, историей заселения Амурской области, местом и временем рождения, условиями жизни, принадлежностью к определенному толку или согласию. Нами проанализирован фрагмент обработанной записи беседы с одной из представительниц амурского старообрядчества. Главное в представлении материала — показать языковые и дискурсивные доминанты беседы об амурских старообрядцах и яркие особенности языковой личности собеседницы. Мы не ставили задачу представить личность амурского старообрядца во всем многообразии ее проявлений, но полагаем, что анализ ярких языковых особенностей позволяет выделить групповые признаки, характеризующие данную лич-

ность как представителя определенной диалектной этноконфессиональной, в нашем случае старообрядческой, группы.

Наша собеседница — жительница с. Грибовка Архаринского района Амурской области Неонилла Б. (далее Н. Б.). Она родилась в д. Татакан Архаринского района Амурской области в 1931 г. В с. Грибовка проживает более 40 лет. Родители приехали на Дальний Восток из Белоруссии, из Могилевской губернии. У Н. Б. семь классов образования; она работала на железной дороге, в колхозе, в заготконторе, была начальником участка, продавцом, кассиром, бухгалтером гаража; сейчас на пенсии. Приняла старообрядчество в 1948 г.: вышла замуж, приняла веру мужа-старовера и полностью ассимилировалась со старообрядческой средой, приняла старообрядчество всей душой, соблюдает обычаи и правила веры, о чем и повествует в своих рассказах. В настоящее время она является старейшим представителем старообрядческой общины с. Грибовка.

Беседа с Н. Б. состоялась в июле 2003 г. и была частично опубликована в фольклорно-диалектологическом альманахе [Слово 2006].

Н. Б. — замечательная рассказчица. Она хорошо помнит деда, который «пробыл на этом свете почти сто двадцать лет. А сюда он вместе с семьей из Белоруссии приехал. Три года на почтовых подводах добирались». Помнит семью во главе с отцом, когда «по восемьсот копен сена заготовливали. Отец в Китай мед возил продавать. День и ночь работали. Из четырнадцати братьев и сестер выжило только семеро». А дальше обычная для того времени семейная трагедия: коллективизация, репрессии, арест отца, голод и лишения, война, а потом счастливое замужество и жизнь в новой семье. Н. Б. рассказывает, как долго ее «проверяла на веру» будущая свекровь-поморка, как вместе с мужем вырастили четырех детей, как трудно приходилось при советской власти «веру держать».

Речь Н. Б. во многом сформировалась под воздействием семейскихговоров, обусловлена семейной традицией, воспитанием и включенностью в сельскохозяйственное производство.

Речь Н. Б. можно охарактеризовать как диалектную и отражающую типичную языковую ситуацию в говорах переходного типа в целом и в говорах семейских в частности, проявляющуюся в широкой вариативности языковых явлений.

Назовем типичные диалектные особенности речи информанта.

Фонетика

Как и у большинства носителей говоров, вокалическая система представлена пятью гласными фонемами: /и/, /у/, /е/, /о/, /а/: вод/á/, к/ó/т, в/é/тер, м/ú/р, шн/ý/р. В отдельных словах под ударением гласный [а] между мягкими согласными переходит в [е]: взеть, опеть, зеть. Сильное недиссимилятивное аканье наблюдается во всех случаях перед всеми ударными гласными после твердых согласных на месте фонем /о/ и /а/. В позиции после мягких согласных в первом предупредительном слоге системно отмечается «иканье»: рэзв'илá, йимú, пэн'ислá, — однако встречаются единичные случаи «яканья»: пэкр'яст'úла, св'якрóука. Отметим, что слова религиозной тематики произносятся без качественной редукции гласных: үспóдь, боүорóица, боүоуóднýй. В словах, употребляемых, главным образом, в религиозном дискурсе, в ударной позиции перед твердыми согласными после мягких отмечен переход [е] в [о]: трехперстнýй, небо, крестнýй ход, одежда. За-

фиксировано произношение протетических гласных перед согласными в некоторых словах: игде, аржаной, алляной, ишла.

Консонантная система, реализуемая в речи информанта, практически совпадает с консонантной системой литературного языка. Заднеязычные звонкие фонемы в сильной позиции представлены взрывными звонкими [г], [г']: грех, говорить, голод. В словах религиозной тематики они могут быть реализованы фрикативным звуком [γ]: γоспóдь, боγорóица, боγоуγóдный. В позиции конца слова звонкая заднеязычная взрывная фонема /г/ частотно представлена звуком [х]: снех, творох, берех, плух, друх.

На месте [к] перед [т] и в некоторых случаях перед глухими согласными на месте предлога кобычно произносится [х]: хто, трахтор; х чаму, х себе, х тебе. Перед звонкими взрывными на месте предлога к в некоторых случаях произносится [γ]: γ деду, γ бабе, γ дому.

В речи Н.Б. отмечаются единичные случаи прогрессивной ассимиляции по мягкости после заднеязычных [к'] и [г']: Ольга, девонька, мамонька.

Фонема /в/ реализуется звуками [в], [в'], [ф], [ф'] (перед глухими согласными), [у]: саван, виселый, фсе, фчера, свякроука, узяли, уперед, унук. Встречается протетический [в] перед гласными [у] или [о] в начале слова: вотруби (отруби), вулица (улица), вутка (утка), вострый (острый), вокны (окна) — и перед предлогом в: ув армии, ув школу.

Глухая и звонкая твердые шипящие фонемы представлены твердыми звуками [ш], [ж]. Долгая глухая шипящая фонема реализована долгим глухим твердым звуком [шш]: некрешшоный, уставшшыки, шшас, неверушшые, шшэпоточники.

На месте сочетания звуков «согласный + й» произносятся двойные мягкие согласные: угощен'н'е, молон'н'е, ботвин'н'я.

В некоторых случаях отмечается отсутствие смягчения [р] и [п] по отношению к литературным [р'] и [п']: крычить (кричит), курыть (курить), прыснилось (приснилось), крэшшенье (крещение), крэстить (крестить); апэтит (аппетит), купэль (купель), пырох (пирог).

Отмечены единичные случаи утраты звуков в сочетаниях согласных на конце слов: совесь (совесть), ись (есть), жись (жизнь), крес (крест).

В отдельных случаях зафиксирован начальный [й] в позиции перед [э]: йих (их), йето (это), йетих (этих).

Конечный [т] в формах глаголов представлен звуками [т] и [т']: несет, может; значить (значит), можеть (может), идеть (идет).

Слово что произносится как *че* в функции вопросительного местоимения и как *што* в функции союзного слова или союза.

Конечный [м] в числительных произносится твердо: сем (семь), восем (восемь).

В речи информанта в отдельных словах и словоформах ударение отличается от литературного: родíлась, былó, жилí.

Грамматика

С точки зрения системной организации вызывают интерес грамматические особенности речи информанта. Например, зафиксирована иная, чем в литературном языке, родовая принадлежность имен существительных: у меня вера другой; шашмуру такой был; шашмуру только замужные носить.

Одно и то же существительное может функционировать в разных типах склонения: церква — церковь, простынь — простыня, свекровь — свекрова.

В формах именительного и винительного падежей множественного числа неодушевленных существительных преобладает окончание -а/-я, хотя возможно -ы/-и: воза, хлеба, ларя, копна; чугуны(чугуны), пироги, оладушки, девчаты (девчата). Окончание -и/-ы системно фиксируется у существительных среднего рода множественного числа с основой на твердый согласный: кины, ведры, вокны, польты.

В родительном падеже неодушевленных существительных мужского рода отмечаются формы с окончанием -у: согороду, с городу, у колодцу. Такое же окончание фиксируется в предложном падеже единственного числа существительных мужского рода: на бугру, в дому, у (в) погребу.

Имена существительные первого склонения с основой на твердый согласный в форме родительного падежа единственного числа с предлогом имеют как окончание -е, так и -ы: у маме, у сястры, от доски.

Имена существительные первого склонения женского рода в форме дательного и предложного падежей единственного числа имеют как окончание -е, так и -и (-ы): дам сястры, думаю о маме, помочь сямье.

Собирательные существительные единственного числа координируют с глаголами в форме множественного числа: молодежь пришли; детвора играют.

Выявлены особые случаи выравнивания основ существительных — наименований домашних животных в родительном падеже множественного числа: держу курей. Ср. держу гусей, коней, свиней.

Существительное скот выступает как одушевленное существительное: скота поили, скота били.

Имена прилагательные и определительные местоимения часто функционируют в стяженных формах как в единственном, так и во множественном числе: беспоповска, хороша, веселы, такабольша, друга. Наряду со стяженными формами употребляются полные имена прилагательные и местоимения: самотканая, ранешные, деревянная, такая православная; старообрядцевая.

Местоимение этот, эта часто употребляется в форме этый, этая: через этый мос(т); этая куфайка (фуфайка).

Местоимение они употребляется в формах они, оне и оны: оне поморцы; оне пошли; вот оне перевели; они не православные; они гураны; оны ему сказали. Наречие туда употребляется как туды.

Притяжательные местоимения, ee, ego представлены склоняемыми формами: ихний, ихный, ейный, еиный, еонный: я ихняя невестка; ихные мужья; ейные дети; еиный дедушка был; еонный дом.

Указательные местоимения тот, та, то имеют начальные формы той, тая, тое: той брат, тая деука (девка), тое окно (окно), — конкурирующие формами тот, та, то, изменяющимися в соответствии с нормой литературного языка.

Местоимения первого и второго лица единственного числа и возвратное местоимение в форме родительного, дательного, винительного и предложного падежей имеют окончание -е: у мене, у тебе, у себе, мене прыснися, о мене, — хотя отмечается и форма мне: обо мне; мне дали.

В косвенных падежах местоимения третьего лица как единственного, так и множественного числа употребляются без *n*-протетического: *на ие (на нее) нельзя работать; у их (у них) какие-то были халаты; мы разные с им (с ним); платки у их (у них) же были; он к ей (к ней) не подходил; у их (у них) своя семья была.*

В речи информанта отмечено употребление как [т], так и [т'] в окончаниях глаголов третьего лица как единственного, так и множественного числа вне независимости от их спряжения: *сохраняють (сохраняют), покрестить (покрестит), знают (знают), носят, курють, пилють.*

Часто наблюдается выравнивание спряжения глаголов в формах третьего лица множественного числа по типу I спряжения: *покрестют, носят, курють, пилють.*

В речи Н. Б. в объектно-целевых конструкциях при глаголах движения употребляется предлог *по*: *ходить по ягоды; ездить по дрова; ходить по корову; сходить по мамоньку.*

Отмечена конкуренция предлогов *с* и *из*: *с Забайкалу приехали — из Забайкала были; с лесу пришел — вышел из моря; с дому сбежал — пришел из бани.* Существительные с предлогом *с* и *около (коло)* в родительном падеже единственного числа мужского рода имеют окончания *-у*: *с Забайкалу, с лесу, с дому; коло (около) колоду.*

В речи информанта используются двойные предлоги *по-над, с-под*: *идти по-над речкей; с-под копну подталкывать.* Отмечаются конструкции с повторяющимися предлогами: *по этой по вулице; с подругой с этой.*

Отмечены случаи нарушения падежного управления относительно нормы литературного языка. Так, возможно употребление именительного падежа в значении родительного или творительного: *сколько канитель (канители); или с клюка (с клюкой);* дательного падежа вместо винительного: *богу (в бога) веровала;* творительного падежа вместо предложного: *заиграть гармонью (на гармони)* и др.

Фиксируются формы сложного прошедшего времени, состоящие из глагола быть и полнозначного глагола в форме прошедшем времени: *мамонька тоже была рассказывала; тот был писал.* Часто используются формы осложненного сказуемого: *она было сказала; попробуй было не поверить; знай себе лежит.*

Частотно используются постпозитивные частицы *-той -кас* именами существительными, местоимениями, глаголами: *он-то; сестра-то; молитву-то; жить-то, на-ка, возьми-ка, дай-ка, подумай-ка.*

Лексика

Диалектная лексика в речевой практике Н. Б. частотна и тематически разнообразна и отражает, главным образом, бытовую и религиозную сферы существования языковой личности информанта. Назовем наиболее частотные группы такой лексики:

1. Наименования одежды и обуви: *домóвник* — наименование домашнего распашного сарафана, *рукава́* — наименование женской нательной рубахи, *запóн* — наименование фартука с грудкой, *шаимура (шаимур)* — наименование головного убора замужней старообрядки, *платóк на була́вку* — наименование способа ношения платка, когда платок закрывает плечи и спину, а под подбородком закрепляется булавкой, *кафтáн* — наименование верхней мужской одежды, используемой во время богослужения, *косоворóтка* — наименование традицион-

ной рубахи мужчины-старообрядца, *ичиги* — наименование женской и мужской сыромятной обуви домашнего производства и др.: *Хто редко на вулицу ходят/ поэтому она домóвник одевает// А на голову одевают платок// Нужно стягивать булавочкой// Сарафан/ рукава/ пояс// А завязывать так не надо/ надо булавочкой закалывать под подбородок/ платок не так надевать// Ну/ он/ платок/ разворачивают полностью платок/ одевается так платок/ и здесь затягивается булавочкой//; Шашмураишо есть/ надевается на голову// А если когда вот эти уже замуж выходят/ они надевают шашмуру// Ну/ сшита она// Сшита/ естественно/ надевается// А как шапочка/ она под платок одевается// Она под платок/ сарафан должен длинный быть/ рукава должны сшиты/ с рукавами/ рукава чтоб длинные были// Рубаха, рубаишка так называется// [Слово 2006].*

2. Наименования домашней и кухонной утвари: *чипелá*, *сковорóдник*, *губá* — наименования приспособлений для вынимания сковороды из русской печи, *ухвát* — наименования приспособлений для вынимания чугунок из русской печи, *комяга*, *корытье* — наименование корыта, *чегу́нка* — наименование огнеупорной емкости для приготовления пищи; *чугуна*, *чегуночка* — наименование чугуна небольшого размера; *чугунка*, *чикма́р* — наименование хозяйственного приспособления в виде деревянной колотушки, небольшого молота. Обычно изготавливается из чурки с сучком или с поперечной палкой-рукояткой на одном конце: *Ну вот, это чипелá// Знаете чипелá?// Губá/ ухвát// Да не ухват это/ а сковородник/ чипела называли/ да// Ну-у/ сковородник/ сковороду подподнимать// [Слово 2006].*

3. Наименования блюд и продуктов питания: *ша́ньга* (*ша́дья*) — наименование сдобной булочки круглой формы, *ватрушки*; *ша́шочка* — наименование сдобной булочки без начинки; *та́рочка* — наименование сдобной булочки со сладкой начинкой: *Ну/ булочки пекла еще/ и ша́дья/ша́ньги я пекла/ и ша́шочки/ и все такое, все. Ну, та́рочки называются// [Слово 2006].*

Отметим, что в речи информанта отмечаются заимствования из белорусского языка, наличие которых обусловлено тем, что родители Н. Б. — белорусы. К такой лексике, например, относятся наименования лука и картофеля: *А луковицы были/ цыбуля это звали// Бульба — картошка// [Слово 2006].*

4. Наименования речной рыбы: *ха́рюс* — наименование речной рыбы хариуса; *чубáк* — наименование речной рыбы чебака; *троегу́б* (*троегубник*) — наименование речной рыбы трегуба; *краснопер* — наименование речной рыбы красноперки: *Ну/ ловила ха́рюс// Харюс/ правда/ щас не попадаетя// Чубáк/ щука/ троегу́б был/ а потом краснопер здесь был/ сиг был даже/ а щас не видно ни сига/ ни троегуба. А какая-то она под вид такая рябенькая и троегубник/ три губы// Ну/ сверху как будто маленько третья губа/ ишо назвали троегуб// [Слово 2006].*

5. Лексика религиозной тематики занимает важное место в дискурсе информанта. В нее входят следующие подгруппы:

1) наименования временных отрезков: *мясоéд* — период, когда православным верующим разрешена скоромная пища, *пос* — период, когда православным верующим запрещена скоромная пища, *пост*, — а также лексика, семантически связанная с этими периодами: *держáть пост* — соблюдать пост, *пóстовать* — соблюдать пост; *красный пра́здник* — большой религиозный праздник у православных христиан;

2) наименования предметов культа: *подорушник* — небольшая подушечка, подкладываемая под руки или под лоб при отбивании земных поклонов при молении; подручник; *лествица* — старообрядческие четки из кожи, ткани, реже — бисера;

3) наименования предметов, используемых при совершении ритуала погребения: *вѣнчик* — тканевая лента, полагаемая на лоб умершего при погребении после омовения тела; *саван* — тканевое погребальное покрывало; *смѣртная одежда* — одежда, сшитая вручную и предназначенная для усопшего; *милостыня* — жертвование денег близким родственникам для поминовения усопшего.

4) наименования человека или предмета по отношению к вере, а также по признаку веры: *беспоповский* — принадлежащий к старообрядческому толку беспоповцев; *нырок* — принадлежащий к старообрядческому толку нырков; *первославный* — православный; *поганый* (о человеке) — не принадлежащий старообрядческим толкам и согласиям; *поганый* (о предмете) — находящийся в пользовании у людей, не принадлежащих старообрядческим толкам и согласиям; *помороец* — принадлежащий к старообрядческому толку поморцев; *семейские* — один из толков старообрядцев, переселенных в Забайкалье из районов Ветки и Стародубья; *православно* — согласно исконной православной вере; *по-православному*; *старообрядцевый* — принадлежащий старообрядческим толкам и согласиям; старообрядческий;

5) наименования икон: *бѣдная икона* — икона, не имеющая дорогого оклада из золота; *богатая икона* — икона, имеющая дорогой оклад из золота; *конвѣрт* — специальным образом подготовленная для написания иконы, освященная в церкви доска.

Приведем пример отрывка из текста о похоронном обряде старообрядцев: *«Одевается другая одежда. Вот она рубаха шьется, воротничок-стоечка, рукава это. Штаны шьют, белые. Ткань прополощешь, она и меньше. А саван такой вот, как сказать, она кроется, как вот обложат и накрывают. Просто ткань, там голова ушивается, надевается на голову, это там... Две половинки матерьяла кроется, это все дырки, разрезается, поразрезается, и накрывают, ложится покойник. Внутрь шел шов. Руки не связывали, так ложатся. Ну, правая рука к сердцу должна быть, а левая к груди. Свечку, свечку можно ложить и подорушник, подушечка такая. Лествицу полложить можно, полотенце на лоб, вѣнчик. А ноги так стоят, и обувают, и носки шьют, которые тоже руками все. Когда умрет, он в шитом. Уже я сшила себе уже сама. Давно уже сшила все, чтоб никто не видел, давно уже сшила» [Слово 2006].*

Н. Б. активно вступает в беседу, инициирует тематику рассказов. Наибольший интерес у информантки вызывает тема единой православной веры и раскола. Она рассуждает о том, почему произошел раскол, какова роль патриарха Никона в истории православия, чем отличается ортодоксальная вера от веры старообрядцев, как нужно верить, как молиться, как соблюдать посты, как правильно рассчитать начало Пасхи, какие ритуалы соблюдать как в религиозной, так и в бытовой сферах жизни.

Актуальными являются повествования о том, как жили раньше. Н. Б. рассказывает о том, откуда приехали родители, как раскулачивали семью, как воспитывали детей, что готовили, какую одежду носили, что как называлось, какие имена

давали детям и почему, как молодежь работала и отдыхала. Рассказы о прошлом перемежаются с рассказами о настоящем, о современной жизни, которая, по мнению Н. Б., *«только пить, пить, и курить, и наркоманить — больше ничо»*, в ее повествованиях нет надежды, что можно что-то исправить, потому что люди забыли о правильной вере: *«Жизнь другая была совсем, настоящая, с верой. А щачас вон ходит молодежь и гавкает на старину»*.

В настоящее время уходит поколение старообрядцев, рожденных в 20–30-е гг. XX в. В связи с этим особенно важна фиксация и изучение духовного, в том числе языкового, наследия старообрядцев как хранителей русской традиционной культуры.

Важность подобных исследований определяет и тот факт, что под влиянием современной жизни, включенности старообрядцев в крестьянский социум многие компоненты такой культуры стремительно разрушаются. И задача исследователя — успеть зафиксировать то, что до настоящего времени бытует в жизни, традициях, религиозно-правовых нормах и правилах и, конечно же, в языке и фольклоре старообрядцев.

Литература

1. Аргудяева Ю. В. Культура и быт старообрядцев юга Дальнего Востока: традиции и современность // Мир старообрядчества. Вып. 4. Живые традиции: результат и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. М., 1998. С. 3–12.
2. Аргудяева Ю. В., Хисамутдинов А. А. Из России через Азию в Америку. Русские старообрядцы. Владивосток: Дальнаука, 2013. 427 с.
3. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран / сост. А. Кириллов. Благовещенск: Тип. т-ва Д. О. Мокин и К°, 1894. 543 с.
4. Кирпикова Л. В. Непредметная лексика села Новоандреевка Белогорского района Амурской области: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1972. 18 с.
5. Кирпикова Л. В. Особенности быта и воззрений амурских старообрядцев, отраженные в лексике их говора // Алтарь России. Владивосток — Большой камень, 1997. С. 83–86.
6. Кирпикова Л. В. Архаические элементы в речевой практике амурских старообрядцев // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местная традиция. Русские и зарубежные связи. Владивосток, 2000. С. 32–38.
7. Погодные ведомости состояния и учета сектантов в Амурской области. 1900–1902 гг. Благовещенск, 1903. 23 с.
8. Погодные ведомости состояния и учета сектантов в Амурской области. 1903–1905 гг. Благовещенск, 1906. 18 с.
9. Реестр учета сектантов и иноверцев Амурской области. Благовещенск, 1910. 24 с.
10. Слово: фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 4. Амурское старообрядчество: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора. Благовещенск: АмГУ, 2006. С. 93–100.